

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ГЕРАСИМА ШПИЛЁВА

Герасим Иванович Шпилёв – видный амурский общественный деятель, журналист, поэт. В отличие от Леонида Волкова, Порфирия Масюкова, Александра Матюшенского, Сергея Синегуба, Фёдора Чудакова и некоторых других писателей дореволюционной эпохи, приехавших на Амур из других городов и краёв Российской империи, он был одним из первых по-настоящему амурских авторов: родился и вырос на этой земле, считал её своей единственной родиной, тосковал по ней, когда судьба забрасывала в другие места.

Появился на свет Шпилёв в Благовещенске, и произошло это 29 февраля (по ст. стилю) 1884 года¹. Дед Герасима, крестьянин Воронежской губернии, добровольно переселился на Амур в 1863 году. Отец будущего поэта (в момент переселения ему было не более 3-4 лет), занимавшийся извозом, переехал из деревни в Благовещенск как раз в год рождения Герасима. Семья у Шпилёвых была большая, дети с ранних лет приучались к труду, помогали родителям. В автобиографии (1923) Герасим рассказывает, что рано пристрастился к чтению, что особенно сильное впечатление на него произвели прочитанные в детстве произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Тараса Шевченко.

В 1900 году Шпилёв окончил Благовещенское ремесленное училище, где получил профессию столяра. Но главная его школа – сама жизнь, в самой гуще которой он формировался. Это и позволило ему обрести большой жизненный опыт, выработать твёрдое мировоззрение и закалить характер. В юности Шпилёв помогал отцу заниматься извозным промыслом, рубил и сплавливал лес по Амуру (всё это позже найдёт отражение в его творчестве). В июле того самого 1900 года, когда он окончил училище, Благовещенск подвергся обстрелу и осаде со стороны китайцев. Шестнадцатилетний юноша принял участие в защите города, дежурил вместе с другими добровольцами на берегу Амура. А осенью уехал в Маньчжурию на строительство КВЖД. Так началась его самостоятельная жизнь. В августе 1905 года Шпилёв приехал в Томск, где надеялся продолжить образование. Он работал в столярной мастерской и одновременно учился на общеобразовательных курсах при Томском технологическом институте, правда недолго – жизнь вскоре направила Герасима в совершенно иное русло, заставив пройти другие «университеты». В этот период он уже печатался в сибирской и дальневосточной периодике, писал стихи. Помимо творчества, Г. Шпилёв всерьёз увлёкся революционной деятельностью, бурный 1905 год, начавшийся с Кровавого воскресенья, к этому весьма располагал, тем более в Томске, где в ту пору очень сильны были антиправительственные настроения, где находилось немало ссыльных, где высок был процент учащихся и студентов, особенно восприимчивых к социалистическим идеям. Герасим вскоре стал начальником боевой дружины при Томском комитете РСДРП, вошёл в комитет Сибирского союза РСДРП. В Томске же он близко познакомился и сошёлся с Сергеем Мироновичем Костриковым (в будущем – Кировым), вместе с которым занимался оборудованием нелегальной типографии. 19 июля 1906 года Герасим был арестован по этому делу и заключён в тюрьму г. Томска, где провёл более шести месяцев. В связи с тем, что полиции так и не удалось найти саму подпольную типографию, Шпилёва освободили из заключения за недостаточностью улик. В 1907 он вернулся в Благовещенск, стал работать судовым механиком на пароходе «Рыбак». Тюрьма не испугала, не отбила желание заниматься революционной деятельностью: недавний заключённый вошёл в состав местной организации РСДРП, действовавшей в области нелегально. В июне 1909 года Шпилёв вновь был арестован по делу томской типографии. Постановлением приамурского генерал-губернатора ему было запрещено жительство в пределах области. По

¹ Краткие биографические сведения о Г.И. Шпилёве см.: *Лосев А.В.* Из прошлого периодической печати на Амуре (газета «Амурский край») // Вопросы истории Амурской области. – Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского книжного изд-ва, 1981. С. 92.

требованию начальника томского губернского жандармского управления в сентябре 1909 года его препроводили по этапу в Томск. По приговору суда Герасим Шпилёв отбывал шестилетнюю ссылку в селе Косая Степь Иркутской губернии. Вернуться в родной Благовещенск он смог лишь в 1915 году.

После Февральской революции Шпилёв деятельно участвовал в политической жизни Благовещенска, был секретарём Совета рабочих и солдатских депутатов, членом правления союза торгово-промышленных служащих, секретарём союза горнорабочих, избирался членом областного земства, гласным городской думы. До 1919 года он стоял на меньшевистских позициях, но в 1921 году вступил в большевистскую партию. В 1920-м принял активное участие в организации издания газеты «Амурская правда», несколько лет (1921-1923) был её главным редактором. В те же годы избирался членом Амурского обкома РКП(б). В дальнейшем Г. Шпилёв жил в Москве, работал научным сотрудником в Институте Ленина², был членом правления Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Однако в 1938 году подвергся необоснованным репрессиям. После ареста содержался в тюрьме Архангельска. По одной из версий, через год, в 1939-м, Шпилёв скоропостижно скончался после оглашения документа о реабилитации. Однако внук Герасима Ивановича по материнской линии – народный художник России, лауреат Государственной премии РФ Михаил Николаевич Ромадин утверждает, что его дед «в 1937 году был арестован и расстрелян»³.

Первые публикации Г. Шпилёва в периодической печати Сибири и Дальнего Востока, в том числе в газетах Благовещенска, появились в 1904 году, ему тогда исполнилось двадцать лет. С годами журналистика, художественное творчество всё сильнее захватывали Шпилёва. В разное время он являлся сотрудником или автором «Амурской газеты», «Амурского края», «Амурских отголосков», «Амурского эха», «Голоса труда», «Амурской правды», а также некоторых томских и иркутских газет. До революции 1917 года свои стихи и статьи Шпилёв обычно подписывал псевдонимами: *Пахом Рослый*, *Мисарег* (имя *Герасим*, прочитанное наоборот), *Рабочий*, *Фёдор Алых*, *Глыба* и др.

Во многих его стихах, написанных в годы первой русской революции, проступает связь с традициями революционно-народнической поэзии XIX века. Однако, в отличие от тех же народников, Г. Шпилёв был поэтом уже новой эпохи – эпохи назревания пролетарской революции. Так что его раннее творчество правильнее рассматривать в контексте именно пролетарской поэзии. Стихи Шпилёва тех лет нередко выражали настроения, чувства, мысли не столько самого автора, сколько пролетарского коллектива, частичкой которого он стал себя осознавать. В таких случаях индивидуальное приносилось начинающим поэтом в жертву классовому. Отсюда – коллективистский пафос, безличное восприятие мира, особенно наглядно проявившиеся при обращении раннего Шпилёва к традиционной для пролетарской поэзии того времени теме подневольного труда:

Мы не знаем весёлого лета,
Мы не знаем гульливой весны,
Наша жизнь красотой не согрета,
Нам не снятся и вещие сны...

Эх, откройте, ребята окошко,
Пусть простором весенним пахнёт,
В мастерской осветится немножко,
А работа от нас не уйдёт!

² С 1931 года – ИМЭЛ: Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б); с 1956 года – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

³ *Ромадин М.* «Мой отец не называл себя реалистом». (Беседа вёл Евграф Кончин) // Культура. 2003. № 32.

Однако, и в процитированной «Песне столяров», и в некоторых других ранних стихах мотив нелёгкой доли рабочих оттесняется на периферию, а на первый план выходит мотив борьбы. Пролетарии начинают выступать уже не в качестве пассивно страдающей массы, а как коллективный носитель идей социального преобразования жизни. Призыв к революционному действию, к бою звучит, например, в стихотворении «Из тюремных мотивов», которое было написано в 1906 году в Томской тюрьме:

Здесь закалимся душою,
В тюрьмах лишь крепнут борцы.
К бою, товарищи, к бою!
Спят лишь одни мертвецы.

Для подобных произведений характерны агитационно-призывные интонации, патетика, декларативность. Конечно, выходцу из простонародной среды Г. Шпилёву не хватало специальных знаний, общей и, тем более, филологической культуры, профессиональных умений. Его стремление поставить поэтическое слово на службу социальным задачам, сделать его инструментом классово-борьбы не могло не обернуться тенденциозностью и схематизмом, существенным сужением эстетических функций этого слова. С другой стороны, поэзия Шпилёва отразила развитие художественной тенденции, которая найдёт продолжение в пролетарской поэзии уже советского времени. И он, и другие близкие ему поэты сделали сознательный выбор – своим творчеством стремились участвовать в строительстве, как они полагали, счастливого будущего страны. И их ли вина, что будущее это оказалось не столь радужным, а лично для Герасима Шпилёва – трагичным?

Поэтическое творчество Шпилёва не исчерпывается пролетарской тематикой. В первом его небольшом поэтическом сборнике, вышедшем в 1908 году в Благовещенске⁴, помимо произведений с ярко выраженной социальной направленностью («Посещение Благовещенска», «Ломовой извозчик», «Песни ужаса», «Переселенцам»), значительное место занимает пейзажная лирика: «Песня родине», «Привет», «Утром», «На лугах», «На Зее». Некоторые из стихов, воспевающих амурскую природу, написаны вдали от Амура, в том числе в Томской тюрьме. Наверное, поэтому они буквально пронизаны остро-щемящим чувством любви к родине, которая ассоциируется у Шпилёва с волей. Там, в заточенье, как это ни удивительно, не идеологические догмы, не манящий свет зыбких коммунистических идеалов, а именно любовь к родному краю согревала его душу, поддерживала веру в будущее, придавала сил. Одно из таких ностальгических произведений – стихотворение «Привет», лирический герой которого, закованный в кандалы узник, страстно мечтает увидеть «родной», «безумно любимый» Амур. На помощь ему приходит воображение:

И вот я увидел... встают предо мной
Забывшие детские грёзы,
Встают из тумана, бегут чередой...
И капают жгучие слёзы.

Теперь я измучен: иду в кандалах,
Их лязг мою душу терзает,
Мозоли и кровь на усталых ногах,
Но радость в груди вырастает...

Я снова увидел Амур мой родной...
И сердце забилось неволью...

⁴ *Пахом Рослый (Шпилёв Г.И.). Стихотворения. Книга 1. – Благовещенск: Типография т-ва «Амурского печатного дела» (Д.О. Мокин и Ко), 1908. 28 с.*

Представилось всё мне мечтой голубой...
И радостно так и так больно!..

Таким образом, помимо социального, классового чувства, ещё один значимый источник поэтического вдохновения автора сборника «Стихотворения» – сроднённость с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с родной природой. Не потому ли, когда, наконец, Шпилёву представилась возможность вернуться в Благовещенск, от соприкосновения с самыми обычными природными явлениями его охватывает необыкновенная лирическая взволнованность. В стихотворении «На лугах» он предстаёт не в ипостаси сурового пролетария, мечтающего избавить угнетённое человечество от сковывающих его цепей, а в обличье вдохновенного и чувствительного пейзажного лирика:

Чуть забрезжит заря золотистая,
Выхожу я в луга на простор:
Сверху небо бездонное, чистое,
На вершинах лежащее гор,

А вдали предо мной расстилается
Трав медвяных зелёный ковёр,
И встаёт, к небесам подымается
Белый пар с призатихших озёр.

Зея там, изгибаясь торжественно,
Катит быстрые воды свои...
Так светло, так легко, так божественно
На лугах в эти чудные дни!

Однако в последней строчке стихотворения автор как будто спохватывается. Вспомнив, видимо, о своей классовой принадлежности, об освободительной миссии пролетариата, он завершает поэтический гимн красоте родного края совершенно неожиданным итогом: «О, люблю вас, равнины зазейские, / Вы даёте мне сил для борьбы!..»

С сугубо классовых позиций Шпилёв излагает и историю переселения крестьянства из центральных губерний России в Приамурье. Замыкающее сборник стихотворение «Переселенцам», которому предпослан эпиграф «*Припожалуйте, красные девицы!.. (Из народной песни)*», – едва ли не единственная в своём роде поэтическая версия этих событий, ибо в ней амурский автор выражает точку зрения не общенациональную, не государственно- или местно-патриотическую, а узко-классовую. В представлении Шпилёва, смысл организации переселения на Амур состоял в том, чтобы спровадить как можно дальше, к чёрту на кулички, социально активную, революционизированную часть народа: тех, кто посягал или мог посягнуть на власть и собственность дворянства, кто «не ждал уж теперь дозволения, / А протягивал руку и брал, / Если надо, сжигал и имение, / А придётся – и лес вырубал». Чтобы добиться задуманного, злокозненное дворянство не гнушается ничем: идёт на откровенный обман, раздаёт заведомо невыполнимые обещания:

...«Поезжайте: живётся там весело.
Мы даруем вас кучами льгот.

...Поезжайте! вы здесь голодуете,
Там же будете жить как купцы...»

И мужики поддались лживым увещаниям, «поверили сказкам сладчайшим», променяли родимую землю на обещанный «рай» в далёком бесприютном краю. Спровадив бунтарей в гиблые места, дворяне от души «веселятся и тешатся».

А Петры да Иваны забралися
В отдалённый, заброшенный край,
И когда же в делах разобралися,
То завывли отчаянно: «Ай!..»

Тут леса да болота пустынные...
И работы нигде не найдёшь...
Хороши были сказки змеинные,
Но отсюда теперь не уйдёшь!..»

Возможно, такая искривлённая картина заселения Амурского края сложилась у Герасима Шпилёва под влиянием рассказов старшего поколения его семьи, других переселенцев, чьи ожидания были обмануты. Но скорее всего, содержание, идейная направленность стихотворения «Переселенцам» оказались результатом воздействия революционно-демократического мировоззрения автора. Когда начинающий поэт всецело отдавался классовому чувству, когда ставил своё перо на службу интересам чаемой революции, его стихи заполнялись расхожими суждениями, почерпнутыми из модных в те годы на Руси социал-демократических брошюр и революционных прокламаций.

Живое поэтическое чувство рождалось лишь от прямого соприкосновения с действительностью – будь то трогающая душу родная амурская природа или события социально-политического характера, непосредственно задевающие автора, вызывающие у него острую эмоциональную реакцию. В числе последних – остро-драматические события, произошедшие в Томске 20-22 октября 1905 года. События, свидетелем и активным участником которых стал несостоявшийся студент, социал-демократ по убеждениям и партийной принадлежности Герасим Шпилёв. К тому моменту он проживал в сибирском городе чуть больше двух месяцев.

Итак, 18 октября 1905 года на Соляной площади Томска казаками и полицией был необъяснимо жестоко, с применением нагаек, разогнан революционный митинг, в котором участвовали преимущественно учащиеся средних учебных заведений. В тот же вечер состоялось чрезвычайное заседание городской думы, которая потребовала от губернатора немедленного устранения от должности городского полицмейстера и предания его суду, а также удаления из Томска казаков. Кроме того, было решено прекратить финансирование полиции и создать народную милицию для охраны и защиты населения города.

В ответ на это местная «чёрная сотня» при попустительстве губернских, полицейских и военных властей устроила в городе масштабный погром, вызвавший в России широкий общественный резонанс. 20 октября между вооружённым отрядом формируемой городской думой «народной милиции» и возбуждённой, подогреваемой провокационными слухами толпой произошла перестрелка, были жертвы с обеих сторон. После этого погромщиками был подожжён театр Королёва, в котором проходил митинг революционно настроенной публики. Часть его участников попыталась найти спасение в трёхэтажном здании управления Сибирской железной дороги, там же укрылись и случайные прохожие, напуганные разъярённой толпой. Здание было окружено черносотенцами, атаковано (по одной из версий, в ответ на прозвучавшие из здания выстрелы) и подожжено. Многие из тех, кто выпрыгивал из окон, попадали под пули, под удары палками. Сгоревших в огне, убитых, растерзанных толпой было несколько десятков человек.

В следующие два дня толпы черносотенцев с портретами государя, практически не встречая сопротивления со стороны сил правопорядка, продолжили погром. Были разграблены и сожжены десятки зданий, прежде всего – дома и магазины богатых евреев и либеральных городских деятелей, в том числе дом городского головы А.И. Макушина. Попутно толпа избивала и студентов.

Всё это Шпилёв видел собственными глазами. В составе рабочей дружины он участвовал в перестрелке с погромщиками, а когда дружинники, после безуспешной попытки остановить

многотысячную толпу, были вынуждены отступить, едва не разделил участь тех, кто оказался в подожжённом здании.

Пережитое потрясение Герасим Шпилёв не мог забыть до конца дней. Впечатления от томского погрома отразились в ряде его произведений, в том числе в двух стихотворениях, объединённых сквозной нумерацией и общим названием «Песни ужаса», с подзаголовком *«Из воспоминаний о томском погроме»*. Первое, озаглавленное предельно выразительным словом «Кошмар», рисует апогей томских погромов – чудовищные зверства черносотенцев, которые добивали тех, кто пытался спастись из горящего здания управления железной дороги. Эти жуткие картины изображаются ретроспективно, сквозь призму граничащего с безумием ночного кошмара, преследующего лирического героя, не дающего ему покоя. Разум героя противится воспринимать всплывающие в памяти кошмарные видения как явь – слишком дико выглядят они, слишком сильно расходятся с идеальными представлениями о человеческой природе. Однако факт остаётся фактом: в стихотворении «Кошмар» воссоздаются подлинные обстоятельства томского погрома – то, что на самом деле видел, пережил Герасим Шпилёв:

Мне мерещилось всё: люди гибнут в огне,
Их всё бьют, всё терзают, стреляют.
Они стонут и плачут и руки ко мне
Простирают – надежду питают.

Но куда!.. Я стоял одинокий меж тех,
Между тех обезумевших тварей,
Раздавался в толпе злой бессмысленный смех:
Гоготали звериные хари.

Кто из пламя бросался на землю и бежать
Лишь хотел, его тотчас хватали
И старались всего донага обобрать,
Убивали, ругались, терзали.

..И опять всё вставало, как видел, как есть:
Там мозги, там кишки растянулись...
«Люди, люди! где правда, где совесть, где честь!» –
Я кричал – и в избе все проснулись...

Потрясение, пережитое автором во время погрома, было настолько велико, что описанию своих чувств он посвящает добрую половину стихотворения. Об этом потрясении он говорит и в финальных строчках: «Этот ужас безумный мне в душу стучать / Будет, будет до самой могилы».

Выходившая в Петербурге либеральная газета «Право», редактируемая В.М. Гессеном и Н.И. Лазаревским, в номере от 4 декабря 1905 года приводила свидетельства очевидцев томского погрома: «Один старик из окна пылавшего здания просил у негодяев пощады во имя детей. Ему подали шест и, когда он достиг земли, зверски убили. Молодую девушку, пытавшуюся спастись бегством, раздели донага и, взяв за ноги, буквально разорвали... Настигнутого на улице студента свалили с ног и, вставив кол в рот, разломали череп...»

Возможно, именно об этой упомянутой в газетном материале растерзанной девушке Шпилёв рассказывает в стихотворении «Над трупом» – то есть во второй части «Песен ужаса». Это в художественном отношении откровенно слабое произведение он считал, по всей видимости, чрезвычайно важным, так как включил его (с небольшими поправками и под новым заголовком – «Невеста») в следующую свою книгу, которая вышла через 11 лет, в принципиально иных исторических условиях. Казалось бы, ну что такое гибель этой безымянной девушки в давно всеми забытом томском погроме? Почему Шпилёв счёл необходимым вновь напомнить об этом диком случае в 1919 году, после череды потрясших Россию революционных катаклизмов, после двух истребительных войн – мировой и гражданской, после всех произошедших за сравнительно

короткий исторический отрезок жестокостей, после неисчислимых жертв самой кровавой российской усабицы? Не потому ли, что в этом, казалось бы, частном, локальном событии 1905 года автор «Песен ужаса» увидел прообраз того, что будет происходить в России позже – разумеется, в неизмеримо больших масштабах?

Октябрь 1905 года в этом смысле стал для Герасима Шпилёва поворотным событием. После пережитого им потрясения период юношеского романтизма и книжного идеализма остался в прошлом, многие иллюзии развеялись. В том числе и главная – по поводу внутреннего потенциала, наклонностей значительной части русского народа. Он воочию увидел накопленную во многих своих соотечественниках энергию ненависти, которая при малейших благоприятных условиях вырывается на волю, превращая людей в подобие кровожадных зверей. С этого времени Герасим более осмысленно стал направлять собственную жизнь на решение важнейшей задачи – на создание социально-политических условий, которые смогут удержать русских людей от выплеска разрушительных инстинктов, которые, напротив, будут пробуждать в них созидательные, добрые начала. Шпилёв на практике убедился, что ни русская православная церковь (погромщиков благословил епископ Томский и Барнаульский Макарий), ни самодержавие со всеми его как будто бы мощными государственными институтами не способны подавить или, тем более, изжить зоологические инстинкты толпы. Возможное спасение, панацею он увидел в социалистическом учении, в политической программе российской социал-демократии.

Вернёмся, однако, к стихотворению «Над трупом». Оно во многих отношениях построено иначе, чем первая часть «Песен ужаса». В нём почти нет эмоционального надрыва, в прямой форме не передаются чувства автора. В нём нет реалистически достоверного портрета невинной жертвы погромщиков, автор ограничивается тем, что уподобляет её прекрасному цветку: «Лилия стройная, белая, чистая / Пышно в саду расцвела». Мученическая гибель подобной *ангелу прекрасному* «невесты» также дана не через описание подробностей, а с помощью развёрнутой метафоры, причём избитой: «Кто-то пришёл и ногою преступною / Лилию в грязь затоптал». В первом стихотворении «Песен ужаса», как помним, погромщиков-убийц автор именуется без каких-либо экивоков и эвфемизмов: «звериные хари», «обезумевшие твари»; во втором ограничивается неопределённым местоимением «кто-то». Реалистически конкретно, с помощью выразительных подробностей в стихотворении «Над трупом» показан лишь результат жестокого надругательства над телом и душой чистого, невинного существа:

Вот, перед вами она так поругана:
Кровь запеклась на устах,
Очи раскрыты, и точно испугана,
Точно сковал её страх.

Страшно пред вами она растянулася,
Нагло оборвана, трупом лежит...

.....
.....

Во второй сборник Шпилёва последняя строфа вошла в своём первоизданном виде, то есть с точками вместо последних двух строк. В 1919 году вряд ли возможны были редакторские купюры или цензурные изъятия, тем более в стихотворении о давнем погроме, оставшемся как бы на совести царского правительства. Следовательно, таков, видимо, и был изначальный замысел автора: приоткрыв завесу, показав часть леденящей кровь картины, остановиться и тем самым активизировать читательское воображение. Поэт не столько рассказывает о пережитом, о своих чувствах, сколько *демонстрирует, показывает* последствия человеческой жестокости, предлагает читателю самому представить растерзанную девушку, этот бессмысленно погубленный прекрасный цветок. О том, что именно такую задачу ставил автор, свидетельствуют начальные строки последних двух строк, обращённые именно к читателям: «**перед вами** она так поругана», «**страшно перед вами** она растянулася». То есть, возможно, он хочет сказать: и вы не защитили её и других невинных людей, и на вас лежит ответственность за случившееся в 1905 году и позже.

Как было сказано выше, уже после большевистской революции, в 1919 году, в Благовещенске, в типографии товарищества «Груд» вышел второй (он же и последний), более объёмный (64 страницы убористого шрифта) поэтический сборник 35-летнего Герасима Шпилёва – «Голоса земли», на этот раз под собственным именем.

В сборнике 62 произведения, среди них: стихи на революционные темы, в большинстве своём воссоздающие эпизоды и картины жизненной судьбы самого автора; пейзажные зарисовки – их особенно много; несколько бесцветных посвящений; лирико-философские размышления о смысле человеческого бытия, об устройстве мироздания; любовная лирика – в художественном плане по большей части слабая, подражательная; наконец, два венчающих книгу объёмных сюжетных стихотворения о жителях амурской земли, которые в трудных условиях заготавливают и сплавляют лес, занимаются извозным промыслом.

Открывает книгу стоящее особняком программное стихотворение «Напев», играющее роль своеобразного вступления. В нём автор как бы анонсирует содержание книги, предвещает читателя, о чём пойдёт речь: «Про леса-тайгу дремучую, / Про озёра серебристые, / Про любовь такую жгучую / К делу правому и чистому...» То есть уже здесь обозначены магистральные темы сборника – природа и революционная борьба.

Все остальные произведения разбиты на восемь разделов: «Горицвет», «Красный плен», «Чёрный звон», «Подвиг», «В провалах», «Камень-горюн», «Тайга» и «Всполохи». Хотя стихи автором не датированы, есть основания предположить, что основной композиционный принцип книги – хроникальный. Иначе говоря, последовательность разделов-циклов соответствует последовательности этапов жизненной судьбы самого поэта. Об этом можно судить уже по тому, что включённые автором в «Голоса земли» три его ранних пейзажных стихотворения из сборника 1908 года («На горной вершине», «На лугах», «Май») получили прописку в первом разделе. Ещё одно – «Невеста», посвящённое томскому погрому 1905 года (о нём речь шла выше), – во втором. Впечатления, полученные Шпилёвым в тюрьме Томска, отразились в четвёртом разделе – «Подвиг». Следующий, пятый – «В провалах», воссоздаёт реалии иркутской ссылки. Подобный принцип сохраняется и в следующих разделах книги.

Удивительное дело: в художественном мире Герасима Шпилёва, создававшего свои стихи в одно время с Клюевым, Есениным, Блоком и многими другими поэтами Серебряного века, активно разрабатывавшими историко-патриотическую тематику, не встречаются такие понятия, как *Россия*, *Русь*, *русская земля*, не фигурируют названия столиц, других исконных русских городов и земель, вообще нет прилагательного *русский* и его производных. И это у внука переселенцев из центрально-чернозёмной России, наверняка тосковавших по покинутому отчуждённому краю и наверняка старавшихся передать ему своё любовное отношение к далёкой, но бесконечно дорогой сердцу земле предков.

Более того: автор «Голосов земли» ни разу не обращается к теме славного (или бесславного) исторического прошлого страны, не упоминает ни одного крупного события или исторического лица, ни одного выдающегося деятеля русской культуры. Напрашивается предположение, что он, возможно, не ощущает глубокой внутренней связи с центральной Россией, с тысячелетней русской историей, с многовековой национальной культурой, не воспринимает себя живой частичкой древней русской цивилизации. В чём здесь причина: в особенностях ли мировосприятия типичного представителя далёкой окраинной территории? в географической ли удалённости поэта от эпицентра русского мира? в недостатке ли образования, узости исторического и общекультурного кругозора? в ограниченности ли классового сознания, привитого Шпилёву средой? Наверное, в той или иной мере, сказалось всё перечисленное. Но главное не в этом, а в специфике его главного творческого принципа: поэт воссоздаёт преимущественно то, что видит и слышит вокруг себя, что постигает посредством собственного жизненного опыта. При этом у Шпилёва нет ощущения, что подлинная родина, её сакральный центр находится где-то далеко, что он по отношению к ней занимает какое-то заведомо проигрышное – окраинное положение. Автору «Голосов земли» не присущ комплекс провинциальной неполноценности. В отличие, скажем, от

петербуржца по рождению Л. Волкова, признававшегося: «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...», Шпилёв не делит Россию на географический, исторический, культурный *центр* и отсталую, маргинальную *периферию*.

В книге «Голоса земли» совсем немного и топографических координат Приамурья – за исключением небольшого числа преимущественно ранних и самых поздних стихов, в которых фигурируют гидронимы Амур, Зея, Буря, топоним Благовещенск. Родина (это слово встречается в «Голосах земли» лишь дважды) предстаёт у Шпилёва не в обобщённом, мифологизированном виде, а в конкретном – видимом, осязаемом: в образах деревьев, кустарников, трав, цветов, диких животных, птиц. Родина для него – это, прежде всего, окружающий природный мир, экзотические ландшафты Приамурья и Восточной Сибири.

Лирический герой большинства стихотворений сборника напрямую, без посредничества *России* как создававшейся веками исторической и культурной мифологемы, связан с дальневосточной и сибирской тайгой, с природными стихиями, включен в глобальные мировые координаты, ощущает себя частью беспредельного мироздания, предстоит перед ним. Мироздания, по его ощущениям, безучастного, равнодушного к человеку, к людским страданиям. Видимо, это и стало главной причиной разочарования поэта в Творце, не сумевшем или не захотевшем создать гармонию в мире людей:

Лишь в груди моей зло разгорается
Против жизни, обильной несчастьем,
А кругом меня всё улыбается,
Равнодушным полно безучастием!..
(«*Май*»)

Небосвод, звёзды, солнце, луна, земля, река, луга, степь, горы, тайга – таковы топографические контуры и координаты, а также сама субстанция создаваемого Шпилёвым поэтического космоса.

Удивительно, но факт: одним из наиболее частотных образов в книге «Голоса земли» является именно космос – беспредельное и совершенное мировое пространство, по контрасту оттеняющее несовершенство и ограниченность земного бытия, земного мироустройства:

Звёзды в небе горят
Светозарным огнём,
Их мерцающий взгляд
Говорит об одном:

Мир безмерно велик,
Бесконечно глубок,
И как здесь, на земле,
Человек одинок!..
(«*Песни тайги*»)

Одно из самых выразительных стихотворений на эту тему – «Перед лицом космоса»:

Ночь... Красивая ночь над землёю!
Горы дремлют в торжественном сне,
Звёзды блещут во мгле надо мною, –
Сказку вечности шепчут оне.

Эта сказка о чём-то великом,
Как молитва пред Божьим лицом,
Пред сверкающим царственным ликом,

Что сияет во мраке ночном!..

Но забыли прекрасные звёзды
О страданье тяжёлом людском.
Им не видно из пасмурной бездны,
Как на жалкой земле мы живём.

И проходят прекрасные звёзды,
Эпопею поют о былом,
И не знают, что в пасмурной бездне
Мы в страданиях и горе живём!..

Этот космос воспринимает, ощущает, как нетрудно заметить, не завзятый материалист и атеист, коим революционеру, социал-демократу, пролетарию Шпилёву надлежало быть по определению, а человек, которому мистически открывается сияющий в ночном мраке *царственный лик – Божье лицо*, то есть человек, внутренне, душевно, сердечно предрасположенный к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. На рациональном уровне, мировоззренчески лирический герой сборника (и легко просматривающийся за ним автор), разумеется, не приемлет религию, отвергает Церковь и Царствие Божие, убеждает читателя (но прежде того – самого себя), что Христос – всего лишь утешительный обман:

Так грустно и больно! В тревоге
Сажусь я на старый курган.
И думаю снова о Боге,
И вижу я снова обман...

(«На путях жизни»)

На уровне же мироощущения, непосредственного чувственного восприятия лирический субъект сборника Шпилёва не является атеистом. Какая-то непостижимая и властная сила, сопротивляться которой лирический герой не в состоянии, вновь и вновь приводит его в Божий храм, заставляет с волнением вслушиваться в звон церковных колоколов. Что забыл в православном храме как будто бы завзятый атеист, член РСДРП, революционер? Автор пытается убедить читателя, что лирическим героем движет стремление лишней раз продекларировать, подтвердить своё неверие. Но зачем, спрашивается, ему для этого заходить в церковь, зачем раз за разом возвращаться к одному и тому же вопросу – о вере?

Мироощущение Шпилёва – это мироощущения человека, если и не верующего в привычном, обыденном смысле этого слова, то, безусловно, внутренне тянущегося к вере, к высоким идеалам. Его уход в революцию, участие в классовой борьбе по душевному побуждению и главному жизненному вектору не были уходом от веры к безверию, к атеизму, это был путь к новому Храму, это была попытка обретения иной веры – более действенной, чем христианство, способной более быстро исправить несовершенный мир.

Шпилёв принадлежал к той разновидности русских революционеров, для которых нравственные идеалы, истина, справедливость были высшей ценностью. В каком-то смысле, он был из категории взыскующих Града. Его тяга к духовным поискам отразилась в целом ряде произведений, например, в стихотворении «Храм»:

Захожу я в храм. Там пышные колонны
Серебром и золотом причудливо горят.
В драгоценных ризах старые иконы
Мрачно и угрюмо на меня глядят.

В этом храме скука, лень и запустенье:

Свечи и кадила сумрачно курят,
И уныньем веют скорбные моления –
Люди монотонно, тупо их твердят.

Нет, я не желаю храма усыпления,
Где и мысль, и совесть робкие молчат!
Я хочу другого – храма возрождения
Светлого, как солнце, как пророка взгляд,

Где бы мысль сверкала яркая, как пламя,
Научая правду и простор любить,
Где бы развевалось Пурпурное Знамя...
...В этот Храм Великий буду я ходить!..

Этот желанный Храм (неприменно с большой буквы!) видится поэту не очень отчётливо, идиллические представления автора имеют не очень много общего с контурами *светлого будущего*, которое рисовалось в политических и экономических программах российской социал-демократии.

Судя по процитированному стихотворению, автор стремится найти замену христианской вере. Ему кажется, что коммунистический идеал и является той путеводной звездой, которая должна придти на смену потускневшей к началу XX столетия Вифлеемской звезде. Однако когда поэт пытается поэтически выразить символ своей новой веры, вместо живых картин, которые прежде легко рождались при соприкосновении с евангельскими сюжетами и образами, из-под пера Шпилёва начинают чередой выходить шаблонные образы, банальные эмблемы. Характерный пример – стихотворение «Знамя интернационала»:

Шёлковые красные знамёна
Развеваются над грозною толпой:
Среди проклятий и среди стоны
Пролетариат ведёт бой!

...Встаёт великое, прекрасное светило
Всечеловеческий, бессмертный идеал,
Как сталь из страшного, гудящего горнила,
Рождается в борьбе интернационал!..

Пусть рушатся дворцы, грохочет канонада,
И царствует везде безумие и бред,
На площадях пусть строят баррикады,
– Без смерти не бывает и побед!

За всеми этими дежурными лозунгами и голой риторикой, за всем этим чрезмерным пафосом совершенно теряется автор – человек, прошедший через «безумие и бред» томского погрома, написавший «Песни ужаса». Когда-то от одного воспоминания об увиденных убитых людях он «плакал и рвался», «страдал, убивался», теперь всё изменилось. Если раньше ему «багровая кровь заливала глаза», если прежде от её вида «в душу безумство вползало», то теперь кровь как будто бы не страшит поэта:

Несите же сквозь дым кровавые знамёна
Во имя светлых и далёких грёз;
Пусть льётся кровь и раздаются стоны,
Но вы не бойтесь ни стоны и ни слёз!..

Этот мотив чуть позже прозвучит и в стихотворении «Полночь»: «Знамя кровавое / С честью и славою / К зорям далёким несите! // Тропы тернистые / Кровию чистою / Смело опять оросите!..»

Как-то плохо вяжутся эти повторяющиеся декларативные призывы («Пусть льётся кровь и раздаются стоны», «не бойтесь ни стона и ни слёз!») с тем, что звучало в «Песнях ужаса». Способен ли был сам автор убивать, да ещё и не обращая внимания на стоны и слёзы? Даже если причинять людям страдания пришлось бы «во имя светлых и далёких грёз»? Сомнительно. Судя по «Кошмару», «Невесте», многим другим предельно искренним произведениям, Герасим Шпилёв боялся, не хотел крови, человеческих страданий, слёз. В стихотворении «Сад пыток» – одном из своих программных поэтических текстов, Шпилёв прямо заявлял, что будущему, если оно будет строиться на насилии, на крови, на тиранстве, он предпочтёт возврат к христианскому идеалу:

Нет, я не желаю крови и тиранства,
И я уйду, уйду, уйду,
Чтобы не видеть власти хулиганства,
В *Гефсиманском* я укроюся саду...

Увы, как мы теперь знаем, укрыться не удалось...